

Научная статья
УДК 316.624
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-82-98

ИССЛЕДОВАНИЕ КОРРУПЦИОФОБИИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

**Максименко А. А.¹, Крылова Д. В.¹, Дейнека О. С.², Зябликов А. В.³,
Вахрушева А. В.³**

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11, Российская Федерация; e-mail: Maximenko.AI@gmail.com

² Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9, Российская Федерация

³ Костромской государственный университет, 156005, Костромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17/11, Российская Федерация

Поступила в редакцию 16.02.2024

После доработки 28.02.2024

Принята к публикации 29.02.2024

Аннотация

Цель. Статья посвящена изучению феномена коррупциофобии в среде государственных и муниципальных служащих в контексте взаимоотношений государства и общества. Методическая цель исследования состояла в первичной валидизации (проверка надёжности, а также конструктивной и конвергентной валидности) и адаптации авторского опросника коррупциофобии на выборке государственных служащих, занятых противодействием коррупции.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 83 действующих государственных служащих, занятых противодействием коррупции в исполнительных органах власти (средний возраст – 45,65 лет; 77,1 % мужчин и 22,9 % женщин). В качестве основного инструмента для исследования коррупциофобии использовался авторский опросник, содержащий 23 утверждения, с которыми респондента просили выразить степень согласия по шкале Р. Лайкерта. Для проверки конвергентной валидности опросника коррупциофобии использовался 5-пунктный опросник осведомлённости о коррупции. В поиске личностных детерминант коррупциофобии в инструментарий исследования также были включены 16-пунктный опросник «Отношение к социальному доминированию» (ОСД), прошедший первичную адаптацию, и короткая версия опросника тёмной триады в адаптации М. С. Егоровой, М. А. Ситникова и О. В. Паршиковой.

Результаты. Результаты эксплораторного факторного анализа данных исследования коррупциофобии позволили выделить 5 факторов: 1) гуманитарных издержек борьбы с коррупцией; 2) коррупциооптимизма; 3) снижения инициативности у чиновников; 4) веры в силу законов в борьбе с коррупцией и 5) симуляции деятельности и осторожности. Все факторы-шкалы показали приемлемый уровень надёжности по внутренней согласованности. В ходе проверки конвергентной валидности были обнаружены объяснимые взаимосвязи шкал опросника коррупциофобии и показателей опросника ориентации на социальное

© СС ВУ Максименко А. А., Крылова Д. В., Дейнека О. С., Зябликов А. В., Вахрушева А. В., 2024.

доминирование, а также были выявлены корреляции коррупцифобии с проявлениями двух параметров тёмной триады (макиавеллизма и психопатии). Население России более пессимистично, чем государственные служащие, оценивает распространённость коррупции в обществе и степень антикоррупционной устойчивости природы человека в его искушении коррупционной средой. Чиновники, которые проживают в провинции, больше уверены, что борьба с коррупцией в России носит системный характер, чем те, кто живёт в мегаполисах. Более молодые респонденты (вероятно, менее опытные) больше уверены, что большинство российских коррупционеров понесли заслуженное наказание. Государственные служащие более старшего возраста считают, что борьба с коррупцией в России вынуждает чиновников не брать на себя лишней инициативы и часто делает их бездушными и чёрствыми по отношению к проблемам людей. Атеистично настроенные чиновники больше уверены в том, что борьба с коррупцией делает чиновников людьми закрытыми, а также в том, что борьба с коррупцией в России ведёт к ослаблению инициативы у государственных служащих. Респонденты с низким субъективным уровнем дохода больше уверены в том, что противодействие коррупции в России вызывает у чиновников желание работать более эффективно, а также в том, что борьба с коррупцией в России носит системный характер.

Анализ корреляционных связей коррупцифобии и отношения к социальному доминированию показал, что респонденты, считающие, что противодействие коррупции в России ведётся эффективно, значимо чаще выступают за эгалитаризм, а поддержка обвинения чиновников в том, что на фоне борьбы с коррупцией они стремятся отказывать нестандартным запросам населения, значимо связана с идеей соперничества (параметром конкуренции). Макиавелизм и субклиническая психопатия проявились в положительных взаимосвязях с признаками «фактора гуманитарных издержек коррупцифобии», которые приводят чиновников к игнорированию запросов населения (могут делать их закрытыми, бездушными и чёрствыми по отношению к проблемам людей; зачастую превращают их деятельность в кампанейщину, мешающую осуществлению реальной помощи населению; маскируют борьбой с коррупцией интересы отдельных чиновников или их ведомств). Нарциссизм оказался не связан с проявлениями коррупцифобии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость работы состоит в дальнейшей разработке понятия «коррупцифобия» с опорой на полученный эмпирический материал и взаимосвязи феномена с социальным доминированием и компонентами тёмной триады личности. Практическая значимость исследования заключается прежде всего в том, что «Опросник коррупцифобии» может быть полезным инструментом в диагностическом арсенале для исследования чиновников такими специалистами как дипломированные психологи, HR-менеджеры с психологическим образованием и выпускники образовательных программ «Психология служебной деятельности».

Ключевые слова: психология коррупции, диалог власти и общества, коррупцифобия, противодействие коррупции, опросник коррупцифобии, государственные служащие, управленческая инициативность

Благодарности: публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: проект №FZEW-2023-0007.

Для цитирования: Исследование коррупцифобии в контексте диалога власти и общества: эмпирические результаты / А. А. Максименко, Д. В. Крылова, О. С. Дейнека, А. В. Зябликов, А. В. Вахрушева // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 3. С. 82–98.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-82-98

Original Research Article

THE STUDY OF CORRUPTION PHOBIA IN THE CONTEXT OF THE DIALOGUE BETWEEN GOVERNMENT AND SOCIETY: EMPIRICAL RESULTS

A. Maksimenko¹, D. Krylova¹, O. Deyneka², A. Zyablikov³, A. Vakhrusheva³

¹ National Research University Higher School of Economics, Pokrovsky Bulvar, 11, 109028, Moscow, Russian Federation; e-mail: Maximenko.AI@gmail.com

² Saint-Petersburg State University, Universitetskaya Embankment, 7-9, 199034, St Petersburg, Russian Federation

³ Kostroma State University, ul. Dzerzhinskogo, 17/11, Kostroma156005, Kostroma region, Russian Federation

Received by the editorial office 16.02.2024

Revised by the author 28.02.2024

Accepted for publication 29.02.2024

Abstract

Aim. The article is devoted to the study of the phenomenon of corruption phobia among state and municipal employees in the context of the relationship between the state and society. The methodological purpose of the study was the primary validation and (verification of reliability, as well as constructive and convergent validity) and adaptation of an original questionnaire of corruption phobia on a sample of civil servants engaged in combating corruption.

Methodology. The study involved 83 active civil servants engaged in combating corruption in executive authorities (average age is 45.65 years; 77.1% of men and 22.9% of women). As the main tool for the study of corruption phobia, an original questionnaire, containing 23 statements with which the respondents were asked to express their degree of agreement on the R. Likert scale, was used. A 5-point corruption awareness questionnaire was used to verify the convergent validity of the corruption phobia questionnaire. In the search for personal determinants of corruption phobia, the 16-point questionnaire "Orientation to Social Dominance" (OSD), which underwent primary adaptation, and a short version of the questionnaire of the dark triad in adaptation by Egorova et al.

Results. The results of the exploratory factor analysis of the data from the study of corruption phobia allowed us to identify 5 factors: 1) the humanitarian costs of fighting corruption; 2) corruption-optimism; 3) reducing the initiative of officials; 4) faith in the power of laws in the fight against corruption and 5) simulation of activity and caution. All the scale factors showed an acceptable level of reliability in terms of internal consistency. During the verification of convergent validity, explicable relationships between the scales of the questionnaire of corruption phobia and the indicators of the questionnaire of orientation to social dominance were found, and correlations of corruption phobia with manifestations of two parameters of the dark triad (Machiavellianism and psychopathy) were also revealed. Russian population is more pessimistic than government officials, assessing the prevalence of corruption in society and the degree of anti-corruption resistance of human nature in its temptation by a corrupt environment. Officials who live in the provinces are more confident that the fight against corruption in Russia is systemic than those who live in megacities. Younger respondents (probably less experienced) are more confident that the majority of Russian corrupt officials have been punished as they

deserve. Older civil servants believe that the fight against corruption in Russia forces officials not to take unnecessary initiative and often makes them callous and callous towards people's problems. Atheistic officials are more confident that the fight against corruption makes officials closed people, as well as that the fight against corruption in Russia leads to a weakening of the initiative of civil servants. Respondents with a low subjective income level are more confident that countering corruption in Russia makes officials want to work more effectively, as well as that the fight against corruption in Russia is systemic.

The analysis of correlations between corruption phobia and attitudes towards social dominance showed that respondents who believe that anti-corruption in Russia is being conducted effectively are significantly more likely to advocate egalitarianism, and support for the accusation of officials that they, against the background of the fight against corruption, tend to refuse non-standard requests of the population is significantly related to the idea of rivalry (competition parameter). Machiavellianism and subclinical psychopathy manifested themselves in positive relationships with signs of the "factor of the humanitarian costs of corruption phobia", which lead officials to ignore the requests of the population (they can make them closed, soulless and callous towards people's problems; often turn their activities into campaigning, interfering with the implementation of real assistance to the population; mask the interests of individual officials by fighting corruption or their departments). Narcissism turned out to be unrelated to manifestations of corruption phobia.

Research implications. The theoretical significance of the work consists in the further development of the concept of "corruption phobia" based on the empirical material obtained and the relationship of the phenomenon with social dominance and components of the dark triad of personality. The practical significance of the study lies primarily in the fact that the "Questionnaire of corruption phobia" can be a useful tool in the diagnostic arsenal for the study of officials by such specialists as certified psychologists, HR managers with psychological education and graduates of educational programs "Psychology of official activity".

Keywords: psychology of corruption, dialogue between government and society, corruption phobia, anti-corruption, questionnaire of corruption phobia, officials, managerial initiative

Acknowledgments: This work was carried with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation project No. FZEW-2023-0007.

For citation: Maksimenko A. A., Krylova D. V., Deyneka O. S., Zyablikov A. V., Vakhrusheva A. V. The study of corruption phobia in the context of the dialogue between government and society: empirical results // Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2024, no 3, pp. 82–98.

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-82-98

Введение

Цифровая трансформация сформировала предпосылки для конструктивного и оперативного диалога между государством и обществом [2; 9]. Сместившись в социальные сети [7], политическая коммуникация перестала быть линейной, став субъект-субъектной [15]. Наряду с этим в отношениях «государство-общество»

создаются избыточные искажения, блокируя и изменяя диалог, оставляя без ответа многие социальные запросы населения. Одним из феноменов, влияющих на качество государственного и муниципального управления в современной России, является коррупциофобия [13]. Боязнь совершить бытовое или профессиональное действие, которое может быть расценено как

коррупционное правонарушение или нарушение антикоррупционного законодательства и повлечь соответствующее правовое наказание, способствует тому, что государственные и муниципальные служащие [11] становятся закрытыми и неотзывчивыми на запросы населения. Данная фобия приводит к подавлению стремлений к социальному взаимодействию (социальная фобия) и к отрицанию управленческой инициативности (фобия проявления инициативы) в среде должностных лиц (государственных и муниципальных служащих). Оставшись без обратной связи, вышеописанный диалог беднеет и может породить протестные настроения, снизить уровень доверия населения к власти.

Несмотря на актуальность обозначенной проблемы [13], коррупцифобия остаётся практически неизученным феноменом в отечественной и мировой науке. Выполненные нами исследования частично восполняют этот пробел. Настоящая публикация представляет собой продолжение работы, направленной на комплексное изучение феномена коррупцифобии. Ранее было дано обоснование термину «коррупцифобия» и показано, что это частный вид социофобии, который ведёт к подавлению стремлений к социальному взаимодействию и приводит к снижению управленческой инициативности и респонсивности в среде должностных лиц [13]. Коррупцифобия, которую провоцирует, во многом, несистемное освещение противодействия коррупции в СМИ, искажает (гиперболизирует) восприятие коррупции и её последствий (в первую очередь персональных) как таковой, что девальвирует

достижения в сфере противодействия коррупции. В следующей статье [14] были изложены результаты осмысления феномена коррупцифобии в контексте взаимоотношений государства и общества; отмечено, что цифровая реальность во многом является социальным основанием и в то же время следствием коррупцифобии, которая оказывает заметное влияние на диалог государства и общества; предложена авторская методика изучения этого феномена

Цель настоящего исследования состояла в первичной валидации и адаптации авторского «Опросника коррупцифобии», а также психологического диагноза коррупцифобии на выборке государственных служащих, занятых противодействием коррупции в исполнительных органах власти.

Методы исследования. В качестве основного инструмента для исследования коррупцифобии российских государственных служащих, занятых противодействием коррупции в исполнительных органах власти, был использован разработанный авторами в 2023 году опросник [14]. Инструкция предполагала выражение степени согласия/несогласия с предлагаемыми утверждениями по 5-балльной шкале Р. Лайкерта.

Внутренняя согласованность опросника коррупцифобии была оценена с помощью коэффициента Альфа Кронбаха ($\alpha=0,77$). Конструктивная валидность опросника была проверена с помощью эксплораторного факторного анализа, который позволил выделить 5 факторов (табл. 1). Первый, наиболее весомый фактор был назван **«фактором гуманитарных издержек борьбы с коррупцией»**. Согласно дан-

Таблица 1 / Table 1

Факторная структура и описательные статистики данных вопросника коррупциофобии (N = 83) / Factor structure and descriptive statistics of data from the corruption-phobia questionnaire (N = 83)

Утверждения	Факторная нагрузка	M(SD)
Фактор гуманитарных издержек борьбы с коррупцией (доля объяснимой дисперсии 27,31 %)		
14. Борьба с коррупцией делает чиновника бездушным и чёрствым по отношению к проблемам людей	0,666	2,52 (1,26)
17. Борьба с коррупцией – это зачастую компанейщина, мешающая осуществлению реальной помощи населению	0,635	2,87 (1,16)
18. Борьба с коррупцией делает чиновников людьми закрытыми	0,704	2,69 (1,16)
21. Борьба с коррупцией ставит крест на многих инициативах населения в области местного самоуправления	0,839	2,65 (1,22)
22. Борьба с коррупцией вносит слишком много ограничений, которые мешают конструктивному взаимодействию с населением и другими сообществами	0,877	2,57 (1,19)
23. Борьба с коррупцией делает чиновников отстранёнными, избегающими обычного общения, коммуникации	0,848	2,54 (1,17)
Фактор оптимизма в борьбе с коррупцией (доля объяснимой дисперсии 17,39 %)		
10. Борьба с коррупцией в России ведётся последовательно	0,873	3,35 (1,09)
2. В целом борьба с коррупцией в рядах чиновников России эффективна	0,820	2,98 (1,27)
3. Борьба с коррупцией в России носит системный характер	0,798	3,16 (1,21)
4. Борьба с коррупцией ведёт к тому, что чиновники становятся более ответственными	0,541	3,52 (1,20)
7. Случаи коррупции в России уменьшаются год от года	0,769	2,65 (1,14)
8. Большинство российских коррупционеров понесли заслуженное наказание	0,717	3,00 (1,39)
Фактор снижения инициативности у чиновников (доля объяснимой дисперсии – 6,82 %)		
12. Борьба с коррупцией в России вынуждает чиновников не брать на себя лишней инициативы	0,825	3,30 (1,10)
13. В целом борьба с коррупцией в России ведёт к тому, что чиновник вынужден больше отказывать нестандартным запросам населения	0,836	3,11 (1,05)
1. Борьба с коррупцией в России ведёт к ослаблению инициативы у государственных служащих	0,496	2,45 (1,35)
Фактор веры в силу законов и эффекта борьбы с коррупцией (доля объяснимой дисперсии 5,88 %)		
6. В России можно победить коррупцию законодательными мерами	0,822	3,42 (1,12)
11. Противодействие коррупции в России вызывает у чиновников желание работать более эффективно	0,777	3,05 (1,10)
Фактор симуляции деятельности и осторожности (доля объяснимой дисперсии 5,33 %)		
5. Борьба с коррупцией в России ведёт к увеличению в деятельности чиновников симуляционных практик	0,738	3,32 (1,02)
9. В целом борьба с коррупцией ведёт к тому, что чиновники становятся более осторожными	0,759	3,78 (0,91)

ному фактору, противодействие коррупции делает чиновников людьми закрытыми, избегающими обычного человеческого общения, коммуникаций. В глазах окружающих они выглядят чёрствыми и бездушными по отношению к запросам людей и проблемам обывателей. Такой подход может противостоять инициативам населения в области местного самоуправления, а борьбу с коррупцией сводить к кампанейщине.

Второй фактор, или **«фактор оптимизма в борьбе с коррупцией»**, объединил проявления оптимистичного настроения по отношению к вопросам противодействия коррупции в России, оценку антикоррупционной деятельности как последовательной и системной деятельности, повышающей ответственность чиновников и приводящей к тому, что отклонившиеся в своём поведении от норм закона государственные служащие понесут заслуженное наказание.

Третий фактор, или **«фактор снижения инициативности у чиновников»**, объединил опасения респондентов по поводу дистанцирования или даже отказа от работы с нестандартными запросами населения, избегания ими любой инициативы, что, очевидно, влияет на качество управления.

Последними двумя факторами (**«фактор веры в силу законов в борьбе с коррупцией»** и **«фактор симуляции и осторожности»**) можно пренебречь, поскольку они содержат только по два компонента. Тем не менее степень согласия с утверждениями из этих факторов будет учитываться в корреляционном анализе.

Для проверки конвергентной валидности опросника коррупциофобии

использовался 5-пунктный опросник осведомлённости о коррупции [18], ранее проверенный нами на надёжность и факторную (конструктивную) валидность [12].

В поиске личностных детерминант коррупциофобии в инструментарий исследования также были включены 16-пунктный опросник «Отношение к социальному доминированию» (ОСД) [20], прошедший первичную адаптацию [12], и короткая версия опросника тёмной триады (The Short Dark Triad Questionnaire) [19] в адаптации М. С. Егоровой, М. А. Ситникова и О. В. Паршиковой [6] для измерения таких черт личности, как макиавелизм, невротизм и субклиническая психопатия.

Процедура и выборка исследования. Опрос осуществлялся в период с 15 апреля по 20 мая 2023 г. после конструирования его формы посредством платформы anketolog.ru, а затем с помощью адресной рассылки руководителям подразделений по противодействию коррупции в региональных администрациях Российской Федерации. В настоящем исследовании приняли участие 83 респондента, возглавляющие отделы по противодействию коррупции в органах исполнительной власти и проживающие в разных городах Российской Федерации. Возраст анкетированных – от 20 до 71 года (средний возраст – 45,65 лет; SD=10,70), среди которых 22,9 % женщин и 77,1 % мужчин. Также измерялся субъективный уровень дохода респондентов и степень их религиозности, учитывался размер населённого пункта (степень урбанизации), в котором они проживают. Так, 4,8 % респондентов проживают в Москве; в

Санкт-Петербурге и других мегаполисах и городах-миллионниках – 36,1 %; в крупных городах численностью менее 1 млн. человек – 13,3 %; 45,8 % – в районных центрах. По уровню образования основная доля приходится на людей с законченным высшим (91,6 %), со средним и незаконченным высшим образованием – 7,2 %, у 1,2 % респондентов имеется учёная степень. Субъективный уровень дохода у 62,7 % – средний, 30,1 % считают свои доходы низкими и 7,2 % сводят концы с концами.

Результаты исследования

Описательные статистики данных опросника коррупциофобии (табл. 1) показали, что у респондентов доминирует оптимизм по поводу борьбы с коррупцией, которую большинство опрошенных считают последовательной, системной, хотя и не всегда эффективной. Большинство участвующих в опросе государственных служащих убеждены, что победить коррупцию нельзя только законодательными мерами. По мнению обследованных, антикоррупционные меры стимулируют ответственность и осторожность чиновников. В меньшей степени проявились опасения респондентов по поводу того, что антикоррупционные меры способствуют игнорированию запросов населения, а также озабоченность тем, что они ведут к ослаблению инициативы у государственных служащих. При этом был отмечен такой побочный эффект борьбы с коррупцией, как усиление в деятельности чиновников симуляционных практик.

Демографические переменные проявили себя в корреляционном анализе с данными опросника коррупциофобии.

Так, те чиновники, которые проживают в провинции, больше уверены, что борьба с коррупцией в России носит системный характер ($r = 0,22$, $p < 0,05$), чем те, кто живет в мегаполисах. Более молодые респонденты (вероятно, менее опытные) больше уверены, что большинство российских коррупционеров понесли заслуженное наказание ($r = -0,29$, $p < 0,05$). Государственные служащие более старшего возраста считают, что борьба с коррупцией в России вынуждает чиновников не брать на себя лишней инициативы ($r = 0,27$, $p < 0,05$) и часто делает их бездушными и чёрствыми по отношению к проблемам людей ($r = 0,22$, $p < 0,05$). Атеистично настроенные чиновники больше уверены в том, что борьба с коррупцией делает чиновников людьми закрытыми ($r = -0,21$, $p < 0,05$), а также в том, что борьба с коррупцией в России ведет к ослаблению инициативы у государственных служащих ($r = -0,21$, $p < 0,05$). Респонденты с низким субъективным уровнем дохода больше уверены в том, что противодействие коррупции в России вызывает у чиновников желание работать более эффективно ($r = 0,28$, $p < 0,01$), а также в том, что борьба с коррупцией в России носит системный характер ($r = -0,21$, $p < 0,05$).

Результаты корреляционного анализа, предпринятые для проверки конвергентной валидности опросника осведомлённости о коррупции, позволяют считать проверку успешной. Так, борьбу с коррупцией в рядах российских чиновников считают неэффективной те представители профильных отделов, которые убеждены, что большинство людей будут коррумпированными, если у них будет такая

возможность ($r = -0,41, p < 0,001$), и что коррупция очень распространена, охватывает почти все отрасли ($r = -0,36, p < 0,01$), и что она появилась в университетах ($r = -0,32, p < 0,01$). Убеждённые в том, что коррупция широко распространена, проявляли высокий уровень коррупцифобии, считая борьбу с коррупцией неэффективной, несистемной, непоследовательной, не уменьшающей случаи коррупции ($r = -0,42, p < 0,001$), реализующей интересы отдельных чиновников или их ведомств ($r = 0,34, p < 0,01$), и ведущей в их деятельности к симуляционным практикам ($r = -0,27, p < 0,05$).

При этом уверенность в том, что коррупция всегда существовала в разные эпохи, была выше у людей старшего возраста ($r = 0,23, p < 0,05$). Женщины в органах исполнительной власти больше уверены, что явление коррупции появилось в университетах и ста-

новится всё более и более серьёзным ($r = 0,24, p < 0,05$). Государственные служащие, работающие на периферии, больше, чем их коллеги в мегаполисах, уверены, что в настоящее время коррупция является очень распространённым явлением и охватывает почти все отрасли ($r = -0,22, p < 0,05$).

В дополнение к использованию данных опросника осведомлённости о коррупции для проверки конвергентной валидности базового инструмента исследования коррупцифобии, нам удалось выполнить сравнительный анализ осведомлённости о распространении коррупции у государственных служащих профильных отделов ($N = 83$) и населения, представленного гетерогенной выборкой россиян ($N = 509$), обследованной нами в третьей декаде января 2023 года [12].

Результаты сравнительного анализа данных (табл. 2) показывают, что на-

Таблица 2 / Table 2

Сравнительная степень осведомлённости о коррупции государственных служащих ($N = 83$) и населения России ($N = 509$) / Comparative degree of awareness of corruption among civil servants ($N = 83$) and the Russian population ($N = 509$)

Утверждения	Государственные служащие		Гетерогенная выборка россиян	
	М	SD	М	SD
1. Коррупция всегда существовала в разные эпохи	4,23	0,85	4,18	0,96
2. Большинство людей будут коррумпированными, если у них будет такая возможность	3,37	1,17	3,85***	1,03
3. В настоящее время коррупция является очень распространённым явлением и охватывает почти все отрасли	4,07	0,88	4,24**	0,95
4. Проблема коррупции очень серьёзна в современном российском обществе	4,33	0,78	4,26	0,95
5. Явление коррупции появилось в университетах и становится всё более и более серьёзным	3,71	1,07	3,84	1,04

Примечание. Использовалась 5-балльная шкала Р. Лайкерта; выделены только высоко значимые различия в степени согласия с утверждениями: ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

селение России более пессимистично, чем государственные служащие, оценивает распространённость коррупции в обществе и степень антикоррупционной устойчивости природы человека в его искушении коррупционной средой.

Корреляционный анализ данных опросника коррупциофобии и опросника ориентации на социальное доминирование показал ожидаемые взаимосвязи. Респонденты, у которых выше степень согласия с эффективностью борьбы с коррупцией в рядах чиновников России, в большей степени разделяют мнение о нормальности ситуации, когда определённые социальные группы находятся наверху общества, а другие – внизу ($r = 0,23$, $p < 0,05$). Среди несогласных с тем, что борьба с коррупцией в России носит системный характер, больше тех, кто согласен с мнением об уступках некоторых социальных групп людям другим группам ($r = 0,22$, $p < 0,05$) и необходимостью в ряде случаев соперничества с другими группами, чтобы продвинуться в жиз-

ни ($r = 0,22$, $p < 0,05$). Те респонденты, которые уверены, что борьба с коррупцией делает чиновников людьми закрытыми, в большей степени согласны с тем, что «низшие группы должны оставаться на своих местах» ($r = 0,45$, $p < 0,001$), а также с тем, что необходимо в некоторых случаях применять силу против других групп для того, чтобы получить требуемое ($r = 0,47$, $p < 0,001$).

Анализ корреляционных связей коррупциофобии и отношения к социальному доминированию показал, что респонденты, считающие, что противодействие коррупции в России ведётся эффективно, значимо чаще выступают за эгалитаризм ($r = 0,29$, $p < 0,01$), а поддержка обвинения чиновников в том, что на фоне борьбы с коррупцией они стремятся отказывать нестандартным запросам населения, значимо связана с идеей соперничества (параметром конкуренции) ($r = 0,35$, $p < 0,001$).

Взаимосвязь коррупциофобии и двух параметров тёмной триады (макиавеллизма и психопатии) представлена в таблице 3 (нарциссизм оказался

Таблица 3 / Table 3

Корреляционная матрица взаимосвязей коррупциофобии параметров тёмной триады (макиавеллизма и психопатии) / Correlation matrix of relationships between corruption phobia and dark triad parameters (Machiavellianism and psychopathy)

Утверждения опросника коррупциофобии	М (макиавеллизм)	Р (психопатия)
2. В целом борьба с коррупцией в рядах чиновников России эффективна	-,227*	
4. Борьба с коррупцией ведёт к тому, что чиновники становятся более ответственными	-,223*	
10. Борьба с коррупцией в России ведётся последовательно		-,215*
14. Борьба с коррупцией делает чиновника бездушным и чёрствым по отношению к проблемам людей		,216*
17. Борьба с коррупцией – это зачастую компанейщина, мешающая осуществлению реальной помощи населению	,256*	,293*

Окончание табл. 3

Утверждения опросника коррупциофобии	М (макиавелизм)	Р (психопатия)
18. Борьба с коррупцией делает чиновников людьми закрытыми	,269**	,220*
19. Под видом борьбы с коррупцией чаще реализуются интересы отдельных чиновников или их ведомств, чем реальная борьба с коррупцией	,262**	

не связан с проявлениями коррупциофобии).

Примечательно, что и макиавелизм, и субклиническая психопатия проявились в положительных взаимосвязях с признаками «фактора гуманитарных издержек коррупциофобии», которые приводят чиновников к игнорированию запросов населения (могут делать их закрытыми, бездушными и чёрствыми по отношению к проблемам людей; зачастую превращают их деятельность в кампанейщину, мешающую осуществлению реальной помощи населению; маскируют борьбой с коррупцией интересы отдельных чиновников или их ведомств). Неслучайно поведенческие паттерны тёмной триады объединяет отсутствие эмпатии и безразличие к людям, порождающее манипулирование другими, о чём писали Д. Джонс и Д. Паулхус [19]. Напротив, отрицательные связи макиавелизма и психопатии были обнаружены с признаками фактора оптимизма в борьбе с коррупцией («В целом борьба с коррупцией в рядах чиновников России эффективна»; «Борьба с коррупцией ведёт к тому, что чиновники становятся более ответственными»; «Борьба с коррупцией в России ведётся последовательно»).

Обсуждение результатов. Описательные статистики данных опросника коррупциофобии показали, что у государственных служащих доминирует оптимизм по поводу борьбы с корруп-

цией над проявлениями коррупциофобии, ведущей к замкнутости, чёрствости и безынициативности чиновников. Большинство участвующих в опросе государственных служащих убеждены, что победить коррупцию нельзя только законодательными мерами, что отмечалось и в других исследованиях [5; 10], поэтому важен грамотный диалог государственных структур с гражданами посредством СМИ и Интернета, а также гражданское антикоррупционное воспитание как стратегическая мера профилактики коррупции.

Полученные результаты косвенно свидетельствуют о дефиците стимулов для эффективной работы чиновников. Быть некоррупцированным для современного чиновника – это обязательное, необходимое, но недостаточное условие его эффективной работы. Наиболее важной составляющей мотивации чиновника должны быть прозрачные карьерные горизонты и понимаемые, легко считываемые легитимные способы их достижения. В настоящее время карьерные перспективы у многих государственных служащих непрозрачны и весьма ограничены. Карьерные треки должны быть открыты и выстроены на принципах честного и добропорядочного поведения, запускаемых тоном сверху. Новые цифровые каналы взаимодействия государства и общества, переход от офлайн-общения к онлайн-диалогу

могут сделать эту сферу более транспарентной, открытой. Как правило, игнорирование запросов населения для человека во власти свидетельствует о его низкой эмпатии [4], неотзывчивости и низком правовом самосознании, которое находится в противоречии с целями и задачами государственной службы¹. В свою очередь, такие характеристики являются следствием недостаточной работы с этическим правосознанием государственных служащих².

На процесс становления правосознания, согласно Е. Э. Бойкиной и В. А. Чернову, влияют следующие факторы: понятие авторитета, новые формы коммуникации и обучения, гедонизм, мультизадачность, горизонт планирования, семейные ценности и др. [1]. У молодёжи, в отличие от старшего поколения, более позитивное правосознание, меньше отягощённые стереотипами в отношении эффективности противодействия коррупции. Правосознание россиян старшего возраста более ригидное и ориентировано на прошлый опыт. При этом большинство экспертов считают, что в молодёжной среде в значительной степени распространён правовой нигилизм, бессилие закона, отсутствие ценности права, ценности соблюдения закона [3].

Будучи в статусе руководителя Счётной палаты РФ, А. Л. Кудрин заявлял о необходимости работы в России чиновников совершенно нового ка-

чества. По его мнению, в парадигме доказательной политики работать в государственном управлении должны люди, системно применяющие экспертные и научные методы³. При этом профессионализм чиновника не сводится только к методным компетенциям и к совокупности профессиональных знаний и умений, а определяется, согласно Н. В. Кузьминой [8], прежде всего уровнем развития личностно-профессиональных качеств служащих, направленностью их личности, особенностями профессиональной мотивации и инициативности. Как пишет Н. Прокофьева, инициативность проявляется осознанно и намеренно, возможности же для её проявления появляются, когда у человека есть внутренний интерес к изменению существующей ситуации к лучшему. Она считает, что инициативность – это отвечающая времени и условиям активная и смелая позиция, гибкость действий и поступков человека [16]. К условиям, способствующим проявлению инициативности, Н. Прокофьева относит среди прочих следующие: осознание личной безопасности последствий для сотрудника (инициатива не должна быть «наказуемой»); осознание сотрудником общественной пользы выполняемой работы и,

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: проект № FZEW-2023-0007.

² Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

³ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23.12.2010 (протокол № 21). М.: Проспект, 2011. России нужны чиновники нового качества, заявил Кудрин / РИА новости. 2021. 26 октября. URL: <https://ria/amp/20211026/chinovniki-1756279742.html> (дата обращения: 10.04.2024).

как следствие, повышение его личного рейтинга в организации; наличие знаний для реализации инициатив. Учитывая социальный запрос и разработки упомянутых учёных, а также результаты данного исследования, авторы статьи склонны рекомендовать в образовании чиновников развивать такие профессионально важные качества, как респонзивность, внимательность, умение поддержать диалог как в очном общении с гражданами, так и в режиме онлайн-коммуникации.

Фобия внесистемного противодействия коррупции, как показало настоящее эмпирическое исследование, может влиять на качество управления, снижая управленческую инициативу и вынуждая государственных служащих инкапсулироваться, выбирать закрытую позицию, игнорируя запросы населения. Ранее полученные в Костромской области оценки принимаемых мер в сфере противодействия коррупции на репрезентативной по полу и возрасту выборке из 700 чел. [17] свидетельствовали об оптимистичном отношении к борьбе с коррупцией: лишь чуть более трети респондентов (39%) согласились, что коррупция в России неискоренима, а более половины опрошенных (55%) были несогласны, что проблему решить нельзя, и 6% затруднились ответить. Также была зафиксирована низкая степень осведомлённости о различных мерах по противодействию коррупции и запрос населения на усиление противодействия этому явлению.

В настоящем исследовании тот факт, что чиновники, занимающиеся противодействием коррупции, более оптимистично, чем другие граждане,

оценивают результаты борьбы с коррупцией, связан с их профессиональной деятельностью и стремлением к её эффективности.

Заключение

Выполненное исследование позволило решить методическую задачу исследования, предполагающую проверку опросника коррупциофобии на надёжность (все шкалы показали приемлемый уровень надёжности по внутренней согласованности), конструктивную (факторную) валидность, а также конвергентную валидность (были обнаружены объяснимые взаимосвязи шкал опросника коррупциофобии и опросника осведомлённости о коррупции).

Учёт социально-демографических параметров показал, что оптимизм по поводу антикоррупционной деятельности продемонстрировали более молодые чиновники (среди них больше уверенных, что большинство российских коррупционеров понесли заслуженное наказание) и проживающие в малых городах и посёлках (по их мнению, борьба с коррупцией в России носит системный характер) в отличие от тех, кто живёт в мегаполисах. Также респонденты с меньшим субъективным уровнем дохода больше уверены в том, что противодействие коррупции в России вызывает у чиновников желание работать более эффективно, а также в том, что борьба с коррупцией в России носит системный характер.

Проявления коррупциофобии в большей степени свойственны государственным служащим более старшего возраста, которые считают, что борьба с коррупцией в России вынуждает чиновников не брать на себя лишней инициативы и делает чиновника

безддушным и чёрствым по отношению к проблемам людей. Служащие с секулярным типом сознания, в отличие от религиозных людей, также больше уверены в том, что борьба с коррупцией делает чиновников закрытыми людьми и ведёт к ослаблению инициативы у государственных служащих.

В поиске личностных детерминант коррупциофобии у чиновников были обнаружены положительные взаимос-

вязи её проявлений с показателями ориентации на социальное доминирование, макиавеллизмом и субклинической психопатией.

Ограничения исследования: эмпирическое исследование выполнено на сравнительно небольшой, но целевой выборке государственных служащих. В дальнейшем планируются исследовать коррупциофобию на других целевых аудиториях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойкина Е. Э., Чернов В. А. Правосознание подростков поколения центиниалов: прогностическая оценка // Психология и право. 2021. Т. 11. №1. С. 135–149. DOI: 10.17759/psylaw.2021110111.
2. Гаджиев Х.-А. О. Диалог власти и общества в цифровую эпоху // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. №2. С. 81–97. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.7>.
3. Гордеев К. А. Правосознание современной российской молодёжи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. №5 (93). С. 164–179.
4. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / пер. с англ. А. Лисицыной. М.: Альпина Бизнес Бук, 2014. 430 с.
5. Дейнека О. С. Сравнительный анализ отношения к коррупции чиновников и предпринимателей // Финансы. Экономика. Стратегия. 2007. №3. С. 30–34.
6. Егорова М. С., Ситникова М. А., Паршикова О. В. Адаптация короткого опросника Тёмной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8. №43. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article> (дата обращения: 10.10.2023). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>.
7. Зимова Н. С., Фомин Е. В., Смагина А. А. Социальные сети как новый канал взаимодействия общества и власти // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. №2. С. 159–171.
8. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высшая школа, 1990. 311 с.
9. Кулик А. Н. Политическое участие, демократия и популизм в цифровую эпоху // Политическая экспертиза: Политэкс. 2017. Т. 13. №4. С. 4–22.
10. Максименко А. А., Дейнека О. С., Крылова Д. В. Отношение россиян к коррупции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Социология. 2021. Т. 13. №4. С. 407–428. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404>.
11. Максименко А. А., Дейнека О. С. Этические установки будущих представителей государственного управления и бизнес-сообщества: сравнительный анализ // Образование и наука. 2023. Т. 25. №2. С. 68–97. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-68-97>.
12. Максименко А. А., Крылова Д. В., Дейнека О. С. Степень порицания коррупции у россиян с разным уровнем отношения к социальному доминированию // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. №3. С. 274–294. DOI: <https://doi.org/10.21702/grj.2023.3.15>.

13. Максименко А. А., Крылова Д. В., Зайцев А. В. Коррупциophobia как фактор снижения управленческой инициативности среди государственных и муниципальных служащих в среде «государство – общество» // Теория и практика общественного развития. 2023. №11. С. 33–40. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.3>.
14. Максименко А. А., Крылова Д. В., Дейнека О. С. Исследование коррупциophobia в контексте диалога власти и общества: теоретико-методологические основы // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. №3. С. 257–266. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-257-266>.
15. Никитинская А. А. Феномен социальных сетей как инструмент диалога органов власти и общественности (на примере МО Северодвинск) // Философская мысль. 2021. №4. С. 26–35. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.4.34045>.
16. Прокофьева Н. Управление инициативой сотрудников. М.: Вершина, 2007. 244 с.
17. Berkovich M. I., Dukhanina L. N., Maksimenko A. A. Perception of corruption as a socioeconomic phenomenon by the population of a region: the structural aspect // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12. №2. P. 161–178. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.10.
18. Davis J. A., Smith T. General social surveys, 1972–1991: Cumulative codebook. Cambridge: National Opinion Research Center, 1991. 53 p.
19. Jones D. N., Paulhus D. L. The role of impulsivity in the Dark Triad of personality // Personality and Individual Differences. 2001. №51 (5). P. 679–682. DOI 10.1016/j.paid.2011.04.011.
20. Sidanius J., Pratto F. Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 403 p.

REFERENCES

1. Boykina E. E., Chernov V. A. [Legal Conscience of Teens from the Centennials Generation: a Prognostic Assessment]. In: *Psihologiya i pravo* [Psychology and Law], 2021, vol. 11, no. 1, pp. 135–149. DOI: 10.17759/psylaw.2021110111.
2. Gadzhiev Kh. A. [The dialogue between a government and society in the digital age]. In: *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], 2022, vol. 28, no. 2, pp. 81–97. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2.7>.
3. Gordeev K. A. [Legal consciousness of modern Russian youth]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2009, no. 5 (93), pp. 164–179.
4. Goleman D. Primal leadership. Learning to lead with emotional intelligence (Rus. ed., A. Lisicyna transl.; Emocional'noe liderstvo: iskustvo upravleniya lyud'mi na osnove emocional'nogo intellekta. Moscow, Al'pina Biznes Buk Publ., 2014. 430 p.).
5. Deineka O. S. [Comparative Analysis of Attitudes to Corruption among Officials and Entrepreneurs]. In: *Finansy. Ekonomika. Strategiya* [Finance. Economy. Strategy], 2007, no. 3, pp. 30–34.
6. Egorova M. S., Sitnikova M. A., Parshikova O. V. [Adaptation of the Short Dark Triad]. In: *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2015, vol. 8, no. 43. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article> (accessed: 10.10.2023). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>.
7. Zimova N. S., Fomin E. V., Smagina A. A. [Social networks as a new channel of interaction between government and society]. In: *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie* [Research result. Sociology and management], 2020, vol. 6, no. 2, pp. 159–171.
8. Kuzmina N. V. *Professionalizm lichnosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obu-*

- cheniya* [Professionalism of the personality of a teacher and master of industrial training]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 311 p.
9. Kulik A. N. [Political participation, democracy and populism in the digital age]. In: *Politicheskaya ekspertiza: Politek* [Political expertise: Politex], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 4–22.
  10. Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Krylova D. V. [The attitude of Russians towards Corruption]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Sociologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology], 2021, vol. 13, no. 4, pp. 407–428. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404>.
  11. Maksimenko A. A., Deyneka O. S. [Ethical Attitudes of the Future Russian Officials and the Businessmen: Comparative Analysis]. In: *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2023, vol. 25, no. 2, pp. 68–97. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-68-97>.
  12. Maksimenko A. A., Krylova D. V., Deyneka O. S. [The Degree of Outrage Over Corruption Among Russians with Different Levels of Attitude Toward Social Dominance]. In: *Rossiiskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2023, vol. 20, no. 3, pp. 274–294. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.15>.
  13. Maksimenko A. A., Krylova D. V., Zaitsev A. V. [Corruption Phobia as a Factor in Reducing Managerial Initiative among the Officials in the «State – Society» Environment]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2023, no. 11, pp. 33–40. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.3>.
  14. Maksimenko A. A., Krylova D. V., Deyneka O. S. [The study of corruption phobia in the context of the dialogue between government and society: theoretical and methodological foundations]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, no. 3, pp. 257–266. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-257-266>.
  15. Nikitinskaya A. A. [The phenomenon of social networks as an instrument for the dialogue between the authorities and society (on the example of Severodvinsk)]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2021, no. 4, pp. 26–35. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.4.34045>.
  16. Prokofeva N. *Upravlenie iniciativoj sotrudnikov* [Managing employee initiative]. Moscow, Vershina Publ., 2007. 244 p.
  17. Berkovich M. I., Dukhanina L. N., Maksimenko A. A. Perception of corruption as a socio-economic phenomenon by the population of a region: the structural aspect. In: *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 161–178. DOI: [10.15838/esc.2019.2.62.10](https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.10).
  18. Davis J. A., Smith T. General social surveys, 1972–1991: Cumulative codebook. Cambridge, National Opinion Research Center Publ., 1991. 53 p.
  19. Jones D. N., Paulhus D. L. The role of impulsivity in the Dark Triad of personality. In: *Personality and Individual Differences*, 2001, no. 51 (5), pp. 679–682. DOI: [10.1016/j.paid.2011.04.011](https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.04.011).
  20. Sidanius J., Pratto F. Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 403 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максименко Александр Александрович (Москва) – доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
e-mail: Maximenko.AI@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0891-4950

Крылова Дина Владимировна (Москва) – заведующий проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

e-mail: krylovadv@hse.ru; ORCID: 0000-0001-5069-0319;

Дейнека Ольга Сергеевна (Санкт-Петербург) – доктор психологических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета;

e-mail: osdeyneka@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8224-2190;

Зябликов Алексей Вячеславович (Кострома) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета;

e-mail: a.zyablikov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2054-0066

Вахрушева Анастасия Владимировна (Кострома) – магистрант Костромского государственного университета;

e-mail: young.liar@mail.ru; ORCID: 0009-0008-7796-5544

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr A. Maksimenko (Moscow) – Dr. Sci. (Sociology), Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Anti-Corruption Policy of National Research University Higher School of Economics;

e-mail: Maximenko.Al@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0891-4950

Dina V. Krylova (Moscow) – Head of the Laboratory of Anti-Corruption Policy, National Research University Higher School of Economics;

e-mail: krylovadv@hse.ru; ORCID: 0000-0001-5069-0319

Olga S. Deyneka (St. Petersburg) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Head of the Department of Political Psychology of Saint Petersburg State University;

e-mail: osdeyneka@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8224-2190

Aleksey V. Zyablikov (Kostroma) – Dr. Sci. (History), Prof., Head of the Department of Philosophy of Cultural Studies and Social Communications of Kostroma State University;

e-mail: a.zyablikov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2054-0066

Anastasia V. Vakhrusheva (Kostroma) – Master's degree student of the Kostroma State University;

e-mail: young.liar@mail.ru; ORCID: 0009-0008-7796-5544